

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

ПРОВЕРКА ОГНЕМ

МОСКВА

РАЗВЕДКА

41ГО

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

ПРОВЕРКА ОГНЕМ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Т17

Художник — *Борис Аджиев*

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Проверка огнем / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Фронтровая разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова).

ISBN 978-5-04-210597-5

Весна 1944 года. Советские войска неудержимо рвутся на запад. На реках Южный Буг и Днестр фашисты создали неприступный рубеж «Крепость фюрера» с главным узлом обороны в Одессе. Накануне наступления в расположение нашей части вышла юная подпольщица. Она сообщила сведения о немецких огневых точках и скрытых позициях. Но советское командование не спешит верить девушке. Капитану Глебу Шубину приказано проверить данные на месте. Вместе с партизанкой капитан переходит линию фронта. С этого момента для обоих смельчаков начинаются по-настоящему серьезные испытания...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210597-5

© Тамоников А.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

Худенькая девочка в мокрой до нитки одежде дрожала даже в тепле натопленного штаба. И связистки, и офицеры работали в гимнастерках, никто не кутался в шаль или полушубок. А ее трясло так, что зубы выстукивали дробный ритм, а по телу то и дело проходили волны озноба, которые заставляли ее позвоночник неестественно изгибаться.

Но дрожащие узкие пальцы упрямо выводили на листке бумаги стрелки, штрихи, квадраты.

За страданиями своей визитерши наблюдал полковник Зубарев, который внимательно рассматривал необычную гостью. Кого только не бывало в штабе — бравые фронтовые офицеры с ранней сединой, трясущиеся от ужаса или холода пленные фашисты, смущенные общением с командованием простые рядовые, приставленные к награде. Но такого он не видел уже давно — на войне женщин и детей

встретишь редко, а сейчас перед ним сидела как раз девочка-подросток.

На вид обычный ребенок военного времени, лет двенадцати, истощенная, как и все дети, что столкнулись с тяготами многолетней беды — тяжелой взрослой работой, болезнями от холода и усталости, а самое страшное — вечным голодом. Мокрая одежда — куртка длиной почти до пят, юбка и множество намотанных платков — плотно облегла ее, сочилась влагой, которая стекала, образуя лужицу под стулом.

Две влажные косички, перемазанные грязью, двигались в такт движениям тонких пальцев и худенькому тельцу, которое сотрясал озноб.

Зубарев подвинул кружку с чаем поближе к девочке:

— Пока горячий, выпей, чтобы согреться. Тяжело же, руки вон ходуном ходят. — В голосе его звучало отеческое тепло.

Но девчонка только мотнула головой — нет, позже — и дальше продолжила свою работу. Она напоминала вымокшего под дождем воробья — тощего и сжавшегося в комочек в отчаянной попытке сохранить последнюю крошечку тепла. Впрочем, взгляд у девочки

был совсем по-взрослому сосредоточенным, и лицо казалось взрослым и суровым. Этот ребенок не боялся и не проявлял любопытства в незнакомом месте, а был сконцентрирован на чем-то важном, занимавшем все его существо.

Гостья, казалось, по несколько секунд смотрела куда-то внутрь себя, а потом принималась снова и снова делать на карте местности химическим карандашом пометки. В штабе, по ее просьбе, ей принесли и расстелили на столе большую карту местности. И теперь она вдумчиво и старательно наносила свои пометки на участке оккупированной территории вокруг Одессы.

Еще утром ее привез грузовик с дальнего поста, а перед этим в штаб прилетела молния: «Обнаружена на границе фронтов дежурным офицером девочка, называет себя одесской подпольщицей. Обладает секретной информацией о вражеской обороне. Направляем к вам для проверки фактов».

Странная визитерша сухо произнесла свои имя и фамилию и единственное, что попросила, — это карту и карандаш. На все предложения дать сухую одежду, еду она повторяла снова и снова, ровно и монотонно:

— Мне нужна карта Одессы и карандаш.

И вот теперь, уже третий час, она без остановки делала пометки, перенося на карту то, что хранила в памяти.

Наблюдая за девочкой, полковник вспомнил, кого напоминает ему ее напряженная поза за столом. Вот так же его дочка, семилетняя Маруся, сидела вечерами в кабинете отца за огромным столом и сосредоточенно, закусив губу, выписывала аккуратные буквы и цифры в своих школьных тетрадях, делая домашние задания, которые ей задавали в первом классе. А закончив, несла отцу на проверку. Тот отдыхал, растянувшись в кресле, и одним глазом тихонько любовался сдвинутыми белесыми бровками, аккуратными калачиками кос с тугими лентами. До чего же она забавная в своей серьезности, уже совсем взрослая, школьница! И в это время в груди полковника растекалось сладкое и теплое ощущение безграничной любви к дочери. Дочка клала ему на ладонь раскрытую тетрадку, а он, суровый командир полка, заместитель командира штаба, с восхищением рассматривал изящные буквы и цифры.

— Марусяка, ну ты постаралась! Да за такой почерк, за такие крючки конфетами на-

граждают! — Отец лез в ящик стола и выуживал оттуда ее любимое лакомство, карамель «Раковые шейки».

Дочка с радостным криком кидалась ему на шею:

— Папуля, родненький мой! Спасибо! Ты лучший в мире папка на свете! — И прижималась нежной щечкой к его щеке с колючей щетиной.

От щемящего трепета в груди из-за нахлынувших воспоминаний Зубареву вдруг стало невыносимо тоскливо и горько. Как же далеко теперь его доченька, и он не может позаботиться о ней — обнять, согреть, накормить, одарить своей любовью, уберечь от жуткого мира, наполненного смертью и войной.

Офицер кинулся к своей шинели, висящей на крючке рядом с дверью. Что же за скотина он, сухарь! Ребенок трясется от холода в мокрой одежде, а он рассматривает ее, копается в памяти, позабыв о всякой человечности.

Теплая шерсть шинели окутала трясущиеся в ознобе плечики, полковник предложил девочке снова:

— Давай-ка одежду сухую тебе велю принести и еще горячего чаю. А потом дорисуешь план. Ведь трясешься вся, как заячий хвост,

неровен час — залихорадишь. У меня тут вот что имеется. — Он вытащил из ящика стола пакет с ванильными сухарями. — Подкрепись, и работу будет делать легче.

Гостья не удержалась, бросила жадный взгляд на сверток, от которого плыл невероятный аромат ванили и изюма, но сглотнула слюну, нахмурилась:

— Нет, нельзя! Надо нарисовать все, что я помню. Пока не забыла! Я вытерплю!

Полковник, хотя был удивлен ее упорством, все же кивнул, соглашаясь, — хорошо, рисуй дальше.

В дверь постучали, и после приглашения войти в кабинет шагнул высокий, статный мужчина — капитан фронтовой разведки Глеб Шубин. Он был еще молодым, однако его старили седина в черных волосах и глубокие складки около губ и на лбу. По этим приметам сразу становилось понятно: этот человек многое видел и пережил в жутких, кровавых жерновах войны, был опытным фронтовиком, прошедшим горнило войны.

— Товарищ полковник, капитан Шубин по вашему приказанию прибыл. — Офицер шагнул внутрь тесного кабинета.

Военная выучка помогла ему сдержать эмоции, хотя он испытывал любопытство — что за девчушка сидит за столом командира и рисовывает карту. Опытный разведчик мгновенно оценил, как тщательно выписаны все пометки.

Зубарев кинул осторожный взгляд на девочку и потом, кивнув на дверь, предупредил гостью:

— Мы с капитаном ненадолго отойдем... на перекур... Ты глотни чайку, — предложил он.

Глеб Шубин, капитан фронтовой разведки, видел, что полковник, командир штаба, явно смущен своей ложью, но промолчал и не стал уточнять, что он не курит и никогда не курил. Сработала привычка к армейской дисциплине, коли говорит командир, что надо идти на перекур, то приказ должен быть выполнен. А еще интуиция, которая мгновенно дала ему понять, что предложение покурить — это лишь предлог для разговора тет-а-тет. А значит, речь пойдет как раз о необычной посетительнице командирского кабинета.

Николай Трофимович Зубарев за дверью кивнул ординарцу, и тот по одному движению

понял, что от него требуется. Нырнул в кабинет — присмотреть за девочкой.

А полковник отошел подальше от двери, увлек за собой разведчика в дальний угол коридорчика. Там их никто не услышит. Основная штабная суэта была в узле связи и рядом со столом дежурного офицера. Там стучали сапоги, раздавался бесконечный гомон людских голосов, то и дело хлопала входная дверь.

Николай Трофимович, понизив голос, заговорил с разведчиком:

— Видел, пигалица сидит у меня за столом над картой?

Глеб кивнул, а его собеседник продолжил:

— По твоей части, поэтому и вызвали тебя в срочном порядке. Поговорить с ней надо бы и понять кое-что.

Полковник задумался на несколько секунд, пытаясь сформулировать, что же он хочет от вызванного срочным приказом разведчика. Ведь не пленный для допроса сидит в его кабинете, совсем другой случай — необычный, к которому не знаешь, как подступиться.

Зубарев начал с самого начала, объясняя, откуда взялась девочка в его кабинете:

— Ольгой зовут, на кордоне сегодня в пять утра задержали, доставили на грузовике три

часа назад в штаб. Девочка говорит, что она подпольщица из одесских катакомб, выжила одна после затопления шахты. Прошла через оккупированную территорию к линии фронта. У нее ценные сведения. Сейчас все, что знает, отмечает на карте, прорисовывает сведения о вражеской линии обороны... по памяти... — Полковник замялся. — Крепость фюрера, слышал о такой?

Капитан снова кивнул, по своей фронтовой привычке он был немногословен, а вот слушал всегда, наоборот, внимательно. И поэтому сразу обратил внимание на нотки неуверенности в голосе полковника и был с ним согласен. Действительно, слишком подозрительно то, что девчонка, еще ребенок, истощенный и измученный голодом, холодом, прошла десятки километров по распутице через германские заслоны и кордоны, сохраняя в своей голове план сложнейшей линии обороны Одессы. Такое и опытному военному не по плечу, а здесь ребенок.

Полковник тем временем принялся объяснять разведчику еще раз, что имеет в виду:

— Вокруг Южного Буга и Днестра сейчас сосредоточена гитлеровская коалиция из сил сразу двух армий — 6-го немецкого со-

единения «мстителей» и 3-й румынской армии группы «А». А в самой Одессе обустроено особо мощный узел защиты, который в Ставке Верховного главнокомандования Вермахта называют «Крепость фюрера». Там четыре полосы обороны, заминированный передний край и оккупированные немцами берега заливов, разрушенные мосты и переправы через все водные преграды. Уже месяц, как гитлеровцы поспешно возводят рубеж за рубежом, чтобы остановить наступление нашей армии. Они проиграли битву за Сталинград и понимают, что проиграют снова, поэтому сейчас сменили тактику. Больше не показывают зубы, не кидаются первыми. Теперь Гитлер строит заслоны, крепости, где можно спрятаться от нас...

Николай Трофимович замолчал, собираясь с мыслями.

— Это те сведения, которые удалось получить с помощью разведки с воздуха, и они свидетельствовали, что противник намерен обороняться всеми силами, лишь бы не отдавать стратегически важную территорию — выход к морю и доступ к своим нефтебазам в Румынии, что хранили топливо для всей гитлеровской техники. Есть разрозненные данные,